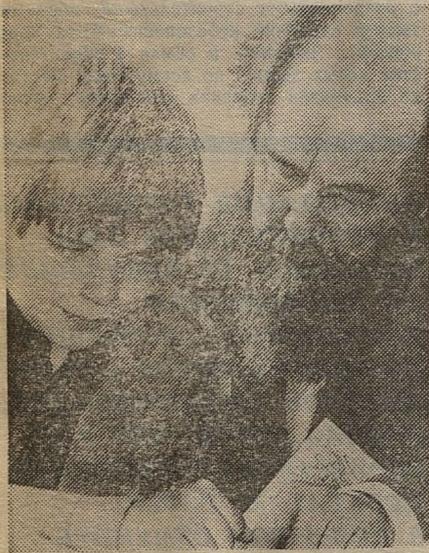

Солженицын А.И.

4/X-90

что когда он заговорит, то это будут очень осторожные, очень взвешенные слова. Он не будет стараться заразить нас ни своим волнением, ни тем более своим гневом — отлично понимая, что чего-то, а волнения и гнева и без него тут хватает. Его цель будет — по мере сил внести хоть какое то успокоение.

И вот — «Посильные размышления». Думаю, в основном успокоятся те, кто боялся: скорее всего, не слишком обраду-

Писатель с сыном Ермогаем.

ются те, кто искал союзника; возможно, разочаруются те, кто ждал «нового слова». А правы, скорее всего, те последние, кто ждал по возможности взвешенных слов — пусть даже взвешенность идет в ущерб силе эмоций и мыслей.

Известно, что о Солженицыне сложена масса легенд, каждая из которых — как положено легенде — основана на искаженно преувеличенном его слове, факте его жизни, высказывании близких людей.

Так кто не слышал о Солженицыне — монархист, шовинист и, разумеется, антисемит? Какие находили места в его книгах и статьях в подтверждение таких оценок — здесь разбирать не станем. Верно, однако, что он был (и остается, видимо) в близких отношениях с людьми, которых при всем желании нельзя не считать шовинистами и антисемитами. Как, впрочем, среди близких ему людей есть те, кого, при всей необъективности, можно считать кем угодно, но уж только не антисемитами, не шовинистами, не монархистами.

Но, думаю, не может быть двух мнений — в «Посильных размышлениях» и придиричивый, и обидчивый, и настороженный, но честный глаз следов не найдет ни монархизма, ни шовинизма, ни антисемитизма. Солженицын не только ни в какой форме не говорит о возможности реставрации монархии, но конкретно обсуждает различные, исключаящие монар-

хию, формы государственного устройства. Он не только не провозглашает никаких шовинистических идей, но, напротив, с предельной резкостью обрушивается на имперскую психологию (как ее лицемерное прикрытие — и на советский патриотизм). Наконец, Солженицын ни разу, ни прямо, ни косвенно, не говорит о столь модных нынче сюжетах, кратко сводящихся к одному: «евреи устроили революцию, слугбили Россию». Ни слова не говорит о «русофобии», он зато говорит о необходимости национального покаяния.

Итак, кто боялся слова Солженицына — боялся зря.

Ну а те, кто надеялся?

Солженицын не примыкает ни к какой

На этом стоит заострить внимание. Солженицын не претендует на экономические или политологические рецепты. Он, писатель, занят другим — он выражает дух народа, чувства народа. Сегодня русский народ переживает самый страшный кризис в своей истории — кризис обмана историей. Люди с запоздалым бешенством осознали: им лгали, они лгали 70 лет, все безумные жертвы были не напрасны, вовсе нет — это были жертвы ради того, чтобы выковать себе цепь крепче. И надломился стеновой хребет «русской идеи» — не важна империя, территория, военно-промышленный комплекс. Это совершенно новый, действительно выстраданный русский национализм, чуждый, по-видимому, не только Достоевскому, но

ЛИЦОМ К ОТЕЧЕСТВУ

ПОСИЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭССЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

«КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ»

партии. Он выносит, разумеется, смертный и окончательный приговор коммунизму, большевизму, марксизму-ленинизму — но сегодня об этом говорят многие. Солженицын говорит о нравственном возрождении, без которого, в слепой хищнической грезне, уничтожим друг друга, — но это очевидно для всех. Однако никому непонятно, как этого достичь, как к этому, хотя бы двинуться. Не дает никаких чудодейственных рецептов и Солженицын — лишь констатирует проблему. Солженицын говорит о необходимости самоограничения — и эту идею сегодня провозглашают во всем мире. Как раз для СССР она — сегодня, во всяком случае, — не слишком близка. В принципе в том, что касается промышленности, загрязнения природы и т. д., это очевидно, но если перевести в план человеческих потребностей — тут уж такое ограничение грянет, как у цыгана, который лошадь отучал есть. Почти отучил сердешную, да вот, жаль, сохла... Наконец, Солженицын говорит о необходимости ликвидировать лоскутную советскую империю, которую спасать и нечем, и незачем, которая высасывает из России последние соки, и о необходимости прекратить разыгрывать роль мирового коммунистического жандарма. Обе эти идеи сегодня столь же близки миллионам, десяткам миллионов русских людей, сколь вчера казались им чудовищными, предательскими и т. д.

и Пушкину, не мыслившему Россию без Медного всадника.

Наиболее последовательным «новым националистом» был, конечно, Сахаров — бескомпромиссный сторонник демократической России. Надо сказать, что в «Посильных размышлениях» Солженицын делает широкий шаг к сахаровской программе (например, сахаровская конституция и солженицынские идеи ликвидации империи очень близки). Вместе с тем что то Солженицына здесь останавливает.

Он много думал над путями западной демократии. Он против копирования таких политических структур. Он все еще ищет особый путь — не имперский, не военнотронированный, но именно особый русский путь. Пожалуй, отделить бы славянофильство от апологии имперской силы, от великодержавного комплекса, от «единой-неделимой» — и мы подойдем где-то близко к программе Солженицына. Но — попробуй, отдели...

Однако как бы то ни было, не эти рассуждения Солженицына сейчас глуже важны для нас. Как пробежать горящий коридор (этот образ стал уже банальным) — вот в чем вопрос. А уж там — там видно будет (например, стоит ли возвращаться к ограничениям во всеобщем избирательном праве, что лишь вызовет, по моему, ненужные страсти, — вопрос, который подробно, слишком уж подробно обсуждает Солженицын). Но это все, как он и

ЗЛОБА ДНЯ

сам говорит, «подалее вперед». Если же взять поближе, то вопрос один — вопрос национального выживания.

Солженицын не может и не должен давать рецепты выживания экономического, политического. Проблема в другом — нация нравственно пала на колени — от стыда, безвыходности, отчаяния. И, увы, поднять ее с колен обещают лишь корыстные (или сумасшедшие) льстецы, раздувающие изо всех сил уродливые и большие комплексы обид, мести, лжи. Солженицын бесповоротно отрезал себя от них, но этого слишком мало. Мало «жить не по лжи». Здесь есть две половины. Да — «не по лжи». Значит, беспощадно глядеть на себя, осознать всю глубину позора и краха идеологии, которой обманывали себя три поколения. Но если ложь, скреплявшая нацию, испарилась, то вернемся к первой части формулы — «жить». Как жить — если не по лжи?

Вот центральный вопрос для русского писателя. Как нации найти новую надежду, веру? Не в империю, не в свое ложное превосходство, не в тупой шовинизм, не в «осажденную крепость»... Словом, «не» — много. Где — «да»?

Гоголь, первый из русских писателей, прямо стремившийся быть духовным вождем нации, писал: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед? кто, зная все силы и свойства и всю глубину нашей природы, одним чародейным мгновением мог бы устроить нас на высокую жизнь? Какими слезами, какой любовью заплатил бы ему благодарный русский человек!».

Сумеет нация обрести цель, надежду — выживет. Не сумеет — не помогут никакие реформы. Обратится в «этнографический материал», растворится в других народах, пойдет на удобрение истории.

Такие ценности поставлены под вопрос. Здесь писателя не заменит никто. Здесь Солженицын и может обрести действительно великую миссию, какой не было ни у Пушкина, ни у Толстого, потому что ни один русский писатель не приходил на такое пепелище, не сталкивался с такой духовной катастрофой, с такой духовной прострацией нации.

Что же, в «Посильных размышлениях» Солженицын не дает ответа. Это лучше, чем поспешный, легкий и обманный ответ. Будем надеяться, что это, во всяком случае, не последнее слово писателя своему народу, народу, колеблющемуся между безнадельностью и обманными надеждами. Дай Бог, чтоб Солженицын помог тут найти выход. Он закончил «Матренин двор» словами: «Не стоит село без праведника. Ни город. Ни вся земля наша». Может быть, ему и суждено стать таким праведником?

Л. СУРАЖСКИЙ.